

сейчас едва ли правильны. Например, автор пишет, что «дома для семей воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, возводятся колхозными строительными бригадами». Вряд ли есть сейчас на селе семьи погибших, которым до настоящего времени не был бы построен дом. Нельзя согласиться и с таким устаревшим утверждением, что «из быта колхозного крестьянства ушел светец. Лучину заменила керосиновая лампа, а в последние годы все шире внедряется электричество». Так, пожалуй, можно было писать в первые послевоенные годы, но не сейчас, когда полностью электрифицированы совхозы и близится к завершению электрификация колхозов.

В работе недостаточно статистических данных. Больше фигурируют термины «много», «мало» и т. д. Это относится к материалу покрытий, наличию каменных домов и др.

Современное жилище описано неполно. Как мы можем судить по соседним районам, где живут русские, в каждом населенном пункте много интеллигенции, рабочих и служащих, у которых обстановка жилого помещения мало отличается от городской квартиры. Нам думается, что Мордовия в этом отношении не составляет исключения. Очень неудачно сформулирован тезис о том, что «современное мордовское жилище коренным образом отличается от дореволюционной черной избы» (стр. 205). В действительности, современное жилище коренным образом отличается не только от курной избы, но и от избы первых лет коллективизации. В работе не ясен также тип покоеобразной застройки, бытовавшей у мордвы-эрзи. На стр. 207 Н. П. Макушин пишет, что традиционная планировка усадьбы (дом, стоящий внутри усадьбы, среди двора, окнами во двор) во второй половине XIX в. сменилась двурядной связью с покоеобразной застройкой. Между тем известно, что двурядная связь и покоеобразная застройка не одно и то же.

В заключительной статье сборника В. Н. Белицер дает обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. на территории Горьковской, Ульяновской, Куйбышевской, Оренбургской, Пензенской областей и Татарской АССР. В результате тщательного изучения построек в указанных районах и анализа большого статистического материала (итоги статистического обследования приведены в работе) автор выявляет три группы жилых домов и хозяйственных строений.

Характеризуя указанные группы, В. Н. Белицер приходит к выводу, что жилище и хозяйственные постройки мордвы, живущей за пределами своей республики, не имеют каких-либо специфических особенностей. Имеющиеся различия не существенны и связаны преимущественно с природно-географическими и экономическими факторами.

Вызывает лишь сомнение наличие у мордвы-каратаев полихромной раскраски, принятой ими, по мнению В. Н. Белицер, от татар, (стр. 218). В действительности у татар правобережных районов, живущих по соседству с мордвой-каратаями, полихромной раскраски не было в прошлом, нет ее и сейчас. Полихромная раскраска наличников у соседних русских, по-видимому, как и у каратаев, сравнительно позднее явление, связанное с городским влиянием.

На стр. 235 указывается, что постройки сел Старый Байтермиш и Малый Толкай (Куйбышевская область) отличаются от построек сел Горьковской, Ульяновской областей и Татарской АССР. Для первых характерны черты, свойственные южным великороссам. Внутренняя же планировка, как пишет В. Н. Белицер, устойчиво продолжает оставаться среднерусской. Было бы интересно показать, чем это обусловлено. Влиянием ли природно-географических условий или культурно-бытовым воздействием южных великороссов, широко расселенных в указанных районах.

Таковы наши замечания. Некоторые из них являются дискуссионными, а потому ни в какой мере не умаляют большого значения выпущенной книги. Работа, несомненно, явится настольным пособием археологов, этнографов, историков Поволжья, окажет большую помощь не только специалистам, занимающимся изучением культуры и быта народов нашей страны, но и широкой общественности.

Е. Бусыгин, Н. Воробьев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

I. Schwidetzky, *Die vorspanische Bevölkerung der Kanarischen Inseln. Anthropologische Untersuchungen*, Göttingen—Berlin—Frankfurt, 1963, стр. 123.

Антропологический тип населения Канарских островов до эпохи испанской колонизации являлся неоднократно предметом исследования. Здесь в первую очередь нужно назвать Р. Верно, Д. Бэра, Э. Хутона и Ф. Фалькенбургера, описавших значительный краниологический материал из пещер, служивших местному населению местами погребений. Особенно обстоятельна большая работа Э. Хутона. Тем не менее, новое исследование И. Швидетцкой значительно обогащает имеющиеся данные и представляет собою огромный вклад в антропологию Канарских островов.

Автор изучила все краниологические коллекции, хранящиеся в музеях на Канарских островах, а также материалы Музея человека в Париже. Таким образом, ею практически исчерпаны существующие данные, в том числе и происходящие из новых рас-

копок и не вошедшие в старые публикации. В результате в ее распоряжении оказался грандиозный материал — свыше 2000 черепов и свыше 2000 длинных костей, т. е. приблизительно в три раза больше, чем в распоряжении всех предшествующих исследователей. Большинство черепов и костей происходит с Тенерифе и Гран-Канариа, но Гомера, Пальма, Ферро и Фуэртевентура также представлены коллекциями, которые кажутся незначительными лишь по сравнению с двумя первыми сериями. Таким образом, только Лансароте оказался непредставленным в данных И. Швидетцкой. Такая полнота материала наряду с его количеством практически лишает значения все предшествующие сводки. Только при необходимости получить представление о вариациях некоторых признаков, отсутствующих в программе И. Швидетцкой, придется и впредь обращаться к книге Э. Хутона.

Программа И. Швидетцкой включает все общеупотребительные измерительные и большое количество описательных признаков, что выгодно отличает ее публикацию от большинства зарубежных палеоантропологических изданий. Средние по отдельным группам (в качестве таковых фигурируют не только острова, но и отдельные места погребений на островах, а также группы, выделенные по типам захоронений и степени сохранности мягких тканей на черепах, что связано с обычаем мумификации), вычисление которых, а также характеризующих их параметров изменчивости потребовало большой калькуляционной работы, сведены в удобные для пользования таблицы. Кроме них вычислены общие средние по всем островам. Параметры изменчивости этой суммарной серии, очевидно, заменят теперь в качестве стандартных величин параметры изменчивости известной «длинной» серии египтян XXVI—XXX династий, описанной К. Пирсоном и А. Девин, так как канарская серия численно превышает серию египтян, особенно в мужской группе.

Правда, индивидуальных данных нет, так как они увеличили бы объем книги в три раза, но разработка материала по мелким территориальным группам и применение к нему разнообразных приемов статистического анализа до известной степени заполняют этот пробел. Все же жаль, что автор, по-видимому в целях экономии места, не привела вычисленных ею в большом количестве коэффициентов корреляции между отдельными признаками.

Все выделенные И. Швидетцкой типологические варианты представлены на 24 хорошо выполненных фототаблицах. Таким образом, как метрическая, так и графическая документация материала не оставляет желать лучшего в отношении полноты и дает возможность использовать материал под любым углом зрения — существенное обстоятельство, если учесть важность этого материала и неразработанность многих проблем расового анализа, при которой каждый исследователь выбирает приемы, далеко не всегда используемые другими. Пожалуй, единственный путь анализа палеоантропологического материала, сторонник которого не найдет для себя необходимых сведений в работе И. Швидетцкой, — это визуальная диагностика типов на отдельных черепах. Но жалеть об этом нет необходимости, так как такой путь анализа представляет собою в настоящее время анахронизм и имеет мало сторонников.

Автор посвящает специальный раздел критическому рассмотрению предшествующих типологических схем коренного населения Канарских островов и проверяет их соответствие фактическим данным с помощью факториального анализа и дискриминантной функции. В результате рушатся прежние гипотезы о негроидах, арменоидах и альпийцах на Канарских островах, кстати сказать, всегда представлявшиеся сомнительными. Статистический анализ позволил выделить лишь два типа — широколицый с массивным черепом и узколицый с более грацильным черепом. Первый из них наиболее четко выражен на Тенерифе и в горных районах Гран-Канариа. И. Швидетцкая называет его кроманьонским, второй тип — средиземноморским. Любопытно, что различие между ними по цвету волос, определенному в ряде случаев по остаткам волос на черепах, отсутствует.

Кстати говоря, это определение вообще показывает, что старые авторы, писавшие о тенденции к светловолосости у коренного населения, преувеличивали значение единичных наблюдений. В целом оно было не светлее любой средиземноморской группы. По длине тела широколицый тип не выше, а ниже узколицего. Не исключено, что это просто два варианта средиземноморской ветви европеоидной расы.

Территориальные различия, так же как и внутригрупповая изменчивость, оцениваются автором статистически. Кроме того, использован интересный графический прием показа сходства между населением отдельных островов, выражающегося количеством линий на карте, соответствующим количеству сходных признаков. В целом различия между островами незначительны. Вряд ли не наиболее значительным отличием является высокий рост и массивный костяк островитян Фуэртевентуры. Правда, серия костяков с этого острова самая маленькая, но все же она включает несколько десятков наблюдений. Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с сохранением в условиях изоляции на маленьком острове особенностей палеоевропейского типа.

На основании анализа этнографических данных и исторических источников автор делает вывод о том, что для разных слоев коренного населения был характерен раз-

личный обряд погребения: более высокое социальное положение покойника вызывало мумификацию трупа. Следует отметить, что этот вывод не имеет полной доказательной силы и в какой-то мере базируется на предположении, что люди, занимавшие более высокое социальное положение в обществе, должны были хоронить покойников с большей тщательностью, чем остальное население, с чем и был связан обычай мумификации. Сопоставление мумифицированных и немумифицированных скелетов произведено И. Швидетцкой с большой тщательностью, в частности при сравнении размеров введены поправки на толщину мумифицированных мягких тканей. Люди, мумифицировавшие своих покойников, отличались от остальных более высоким ростом и более узким лицом. И. Швидетцкая считает их представителями второй средиземноморской волны в заселении островов, установившими господство над первоначальными кроманьоноподобными насельниками и оттеснившими их в неблагоприятные районы. Но мы помним, что обе эти группы не отличаются одна от другой по пигментации и различаются по длине тела в обратном направлении по сравнению с тем соотношением, которое обычно для кроманьонского и средиземноморского типов по этому признаку. Абсолютная величина разницы в ширине лица также незначительна. Может быть, речь идет о двух социальных группах в составе единого по происхождению народа?

На основании сравнительного рассмотрения изученных материалов автор убедительно обосновывает генетическую связь населения Канарских островов с населением Северной Африки, в первую очередь — с берберскими группами. Дополнительный и очень существенный аргумент в пользу такой связи дает анализ кровяных групп. Значительное количество мумифицированных скелетов позволило использовать мягкие ткани для определения содержания антигенов системы АВО. Группа О оказалась представленной в 84% (из 81 случая) на Тенерифе и в 95% (из 191 случая) на Гран-Канариа. Можно было бы думать, что подавляющее преобладание О происходит за счет случаев отсутствия реакции, которые были присуммированы к случаям действительно отрицательной реакции. Но И. Швидетцкая пишет, что это обстоятельство тщательно учитывалось. Таким образом, распределение групп крови существенно увеличивает в данном случае количество этногенетической информации, свидетельствующей в пользу североафриканского происхождения коренного населения Канарских островов.

В целом новая книга И. Швидетцкой вводит в науку великолепный новый материал по краниологии одного из интереснейших народов Западного Средиземноморья. Публикация и анализ этого материала произведены образцово и дают возможность широко использовать его при самых разнообразных сопоставлениях. Некоторые дополнительные соображения, высказанные рецензентом, ни в коей мере не снижают общего чрезвычайно отрадного впечатления от рецензируемой работы.

В. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Ли Чон Мок. *Исследование сельского жилища Кореи*. Пхеньян, 1960, 192 стр. (на кор. языке).

Книга корейского этнографа Ли Чон Мока «Исследование сельского жилища Кореи» издана Институтом археологии и этнографии Академии наук КНДР в серии «Этнографические исследования».

Многие вопросы, связанные с изучением жилища корейцев, пока еще не получили должного освещения как в советской, так и в корейской этнографической литературе. В значительной мере этот пробел в освещении столь важной стороны материальной культуры заполняется книгой Ли Чон Мока.

Ценность рассматриваемой книги состоит в том, что она написана автором на основе тщательного изучения полевых, литературных и архивных источников.

Вполне оправданным является то, что автор рассматривает только сельские жилища постройки. В прошлом Корея была аграрной страной и сельское население ее составляло около 80%. Кроме того, подавляющее большинство жилых домов городского типа испытывало влияние конструкций сельских жилищ.

Хронологически монография охватывает период второй половины XIX — начала XX в. В первых главах книги Ли Чон Мок отмечает, что строительство жилищ в Корею имело давние традиции и носило национальный характер. Особенностью жилищного строительства является прежде всего так называемое «кановое» отопление.

В книге подробно рассматривается процесс формирования общего вида сельского жилища, дается описание стен и крыши, интерьера комнат. Автор большое внимание уделяет типологии жилища, его устройству и использованию комнат.

Думается, правильно, что автор считает основной особенностью корейского жилого дома строгую взаимосвязь основной балки (матицы) и плоскостного устройства. Эту особенность автор выбрал как основной признак при выделении типов сельского корейского жилища. Ли Чон Мок отказывается от классификации по признаку строения крыши, или по материалу, из которого сделаны стены, ввиду того, что оба эти элемента